

ВСТУПЛЕНИЕ

Великая тайна происхождения своего народа неизбежно привлекает к себе каждого исследователя, изучающего его раннюю историю. Естественно, и меня в первую очередь волнует загадка происхождения нашего народа. Древнейшая из дошедших до наших дней отечественная летопись, «Повесть временных лет», начинает свое повествование с пересказа библейской легенды о трех сыновьях Ноя, разделивших между собой Землю, и не дает ответа на интересующий нас вопрос. Западославянские хроники донесли до нас предание о прародителе чехов Чехе, к которому в других источниках добавились его братья Лех и Рус. Однако и эти легенды, ценные сами по себе, вновь не дают ответа на вопрос о происхождении славян как таковых, а относятся уже к прародителям-эпонимам отдельных славянских племен. Хотя в средневековой «Великопольской хронике» и появляется образ Пана как отца Чеха, Леха и Руса, но очевидно, что этот персонаж является скорее плодом книжной учености, отсылавшей читателя к Паннонии как славянской прародине и обыгрывавшей слово *pan* в польском языке в значении «господин», чем живого народного предания. Состояние интересующего нас вопроса таково, что еще в начале XX в. выдающийся чешский историк Л. Нидерле с сожалением был вынужден отметить: «История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян».¹

К счастью, знаменитый ученый ошибся. Когда Л. Нидерле писал эти строки, он не мог знать о существовании нескольких

¹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 19.

связанных между собой малоизвестных белорусских преданий, с которыми читатель познакомится чуть ниже. Хотя легенды эти были опубликованы еще в XIX в., ученые не придали им большого значения. Однако именно эти архаичные предания, восходящие к единому мифу, и дают нам ключ к ответу на вопрос о происхождении всего славянского племени в целом. Более того, этот белорусский миф находит свои параллели в мифологии других индоевропейских народов, что говорит о его исключительной древности. Наконец, такие параллели существуют у многих народов, не принадлежащих к индоевропейской языковой семье. А это обстоятельство приводит нас к мифологическому осмыслению глобальной проблемы происхождения человечества как такового и ставит вопрос о глубинах мифопоэтической памяти всего нашего вида *Homo sapiens*. Поскольку следы этого мифа в той или иной степени сохранились если не у большинства, то у значительной части народов, населяющих нашу Землю, это позволяет назвать его общечеловеческим в буквальном, не затасканном смысле этого слова. Так поиски ответа на вопрос о нашем собственном происхождении ведут нас вглубь даже не тысячелетий, а десятков тысяч лет — к самым истокам возникновения человечества. А путеводной звездой в этом путешествии нам будет служить мифологический образ прародителя человечества, которому и посвящена эта книга.

Миф о нем оказался таким древним, что был забыт многими народами задолго до возникновения христианства. Хотя многие народы забыли о своем первопредке, заменив память о нем на образы более поздних прародителей своих племен, было немало и тех, кто о нем помнил достаточно долго. А отголоски данного мифа сохранились у еще большего числа народов. Распространение сначала христианства, а затем и ислама нанесло еще один мощный удар по мифопоэтической памяти об исконном прародителе человечества. Библия и Коран однозначно утверждали о происхождении человечества от Адама и Евы, а слепопотопного поколения людей — от трех сыновей Ноя. И этот еврейский миф стал главенствующей и обязательной догмой для всех народов, которым были навязаны эти две монотеистические религии, или, иными словами, для большей части человечества, которую

насиленно заставляли забывать о своем прошлом. Понятно, что в таких условиях исходный общечеловеческий миф забывался еще быстрее. Поэтому можно только удивляться тому, как много удалось сохранить людям в различных уголках земного шара, несмотря на неумолимое течение времени и фанатичные старания приверженцев новых мировых религий. Именно о восстановлении, изучении и осмыслении прошедшего сквозь целые исторические эпохи этого уникального наследия как славян, так и всего человечества в целом и пойдет речь в этой книге. В ней мы отправимся в путешествие по разным континентам и эпохам, чтобы во мгле времен рассмотреть величественный образ прародителя человечества. И самое удивительное заключается в том, что этот образ никогда полностью не исчезал и всегда был с нами, просто мы, как правило, не понимали его огромной значимости и, как следствие, не обращали на него должного внимания.

Глава 1

Князь Бой – великий охотник

В Борисовском уезде Минской губернии Белоруссии еще в XIX в. была записана легенда о князе Бое, объяснявшая существование бытовавшего в том регионе ритуала поминовения так называемых Ставрусских дедов перед Троицей. «Над рекою Дриссою находится поместье Краснополь, окруженное со всех сторон лесом. Там есть место, где в языческие еще времена жил князь Бой, слывший во всей Белоруссии сильнейшим богатырем. Он управлял всем народом, жившим в тех диких странах по берегам реки Дриссы. Обыкновенное его удовольствие состояло в том, чтобы объезжать боры и леса с луком и стрелой и охотиться на лосей и других диких зверей. Для этого у него были два верных пса, один назывался *Стауры*, а другой *Гауры*. Оба они были очень сильны и умны. Самый сильный медведь не мог выдержать схватку с ними: он тотчас был ими разорван, как заяц, схваченный гончими. Когда на охоте, отделившись как-нибудь от своих товарищей, Бою случалось быть окруженным разбойниками, он их рассеивал и разбивал, науськивая и напуская на них своих псов. Не раз бывало, когда заблудится в далеких лесах, они его выводили на дорогу к самому его дому. Часто эти псы спасали своего господина от больших опасностей и поэтому они составляли для него самой приятнейшей забавой в жизни. Он приказал своим подданным отдавать им такие же почести, как важнейшим особам, при нем состоящим, а когда от старости эти псы, один за другим, перемерли, то он в виду их заслуг назначил особые дни в году для торжественного чествования их памяти. В эти дни народ собирался на те места,

где были зарыты их кости и приносил с собою кушанья и напитки и пировал до поздней ночи; объедки и кости бросали в огонь, произнося при этом имена обоих псов: *Стауры* и *Гауры*, как бы призывая их тени с того света»². Имена столь любимых Боем псов образованы от слов *стау* — «став, стал» и *гаукаць* — «гавкать, лаять»³. Понятно, что предание о двух собаках князя, любимых им настолько, что он учредил специальный погребальный культ в их честь, слившийся затем с культом умерших человеческих предков, получивших обобщенное наименование *деды*, явно носит достаточно поздний характер, возникший уже тогда, когда истинный смысл образов двух псов был основательно забыт. Истоки культа двух псов загробного мира являются весьма важными и весьма древними и потому будут рассмотрены далее в отдельной главе. Однако и помимо образа этих двух собак в предании встречается достаточно много элементов архаичной традиции. В их число входит соотнесение красного цвета с местом жительства князя Боя как представителя военной аристократии, восходящее еще к индоевропейским временам, а также сжигание жертвенной пищи на костре, которое вместе с упоминанием имен обоих псов как бы вызывало их тени с того света. Как отмечали этнографы, во время ужина хозяин дома ставил часть кушанья под стол и трижды говорил: «Стауры-Гауры, гам! Приходзице к нам!» Поскольку на остальной территории Белоруссии просто поминались деды — души умерших предков, в определенные дни приглашавшиеся в дом на ритуальное угощение, это отклонение от общепринятого обряда нуждалось в объяснении, каковым и выступало это сказание. Нечего и говорить, что вызывание душ с того света вместе с ритуальным сжиганием пищи представляет собой явный пережиток дохристианской традиции. В полном соответствии с этим и сама легенда особо подчеркивает, что возникновение культа двух собак, равно как и время правления их хозяина, относятся именно к языческой эпохе. Поскольку в восточнославянском эпосе время действия богатырей обычно приурочивается

² Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. II. С. 630.

³ Белорусско-русский словарь. М., 1962. С. 204, 888.

к правлению Владимира Красно Солнышко или более поздним временам, предание, называя Боя сильнейшим богатырем, особо оговаривает, что он правил еще в языческие времена, чем относит нашего князя-охотника к древнейшему поколению богатырей. В какой-то степени его можно сопоставить с былинным Святогором, если просто исходить из дошедших до нас текстов былин, не предпринимая их детального анализа, выявляющего подчас весьма архаические пласты в образе того или иного богатыря. Понятно, что это сопоставление достаточно относительное и характеризует лишь то место, которое Святогор и Бой как представители более раннего поколения героев занимают по отношению к богатырям киевского цикла. Объединяет их в какой-то степени и то, что дошедшие до нас фольклорные тексты крайне скупы на биографии как одного, так и другого персонажей и, в отличие от богатырей киевского цикла, не приписывают им подвиги в деле защиты родной земли. Обращает на себя внимание и то, что, подобно тому как Святогор появляется в былинах в основном в связи с Ильей Муромцем, в белорусском предании Бой упоминается во многом в связи с установлением культа своих собак, ставшего не совсем понятным уже в XIX в.

Обе эти собаки фигурируют и в другой легенде белорусов, посвященной уже непосредственно происхождению народа, записанной в 1820–1840-х годах на территории белорусского Подвинья:

«Когда-то еще мир только начинался, так ничего нигде не было. Везде стояла мертвая вода, а среди воды торчал то ли камень, то ли еще что. Один раз Перун как разыгрался и давай швырять стрелы в этот камень. От его стрел выскочили три искорки: белая, желтая и красная. Упали те искорки на воду; с этого вся вода замутилась, и мир замутился, как тучи. Но через некоторое время, как все просветлело, ясно стало — где вода, где земля. А чуть позже завелась и всякая жизнь — и в воде, и на земле. И леса, и травы, и звери, и рыбы, а после и человек завелся: или он пришел откуда, или вырос тут. Потом он стал заводить свои человеческие порядки. Долго ли он так жил, или коротко, но имел он уже свою усадьбу, имел много жен, а еще больше детей. Было ему имя Бай. А как пришел час его смер-

ти, тогда созвал он своих сыновей и разделил все имущество. Только одного сына забыл. Тот в это время был на охоте и с ним были любимые собаки отца Ставры и Гавры. Звали этого сына Белополь. Вскоре после смерти отца вернулся Белополь с охоты. А братья ему говорят:

— Вот отец разделил среди нас все свое имущество, а тебе он завещал своих собак, и еще сказал, чтобы ты пустил их на волю: одну — в правую сторону, а вторую — в левую; сколько они земли обегут за день, так эта вся земля твоя будет.

Вот пошел Белополь и поймал двух птиц, прилетевших одна с южного моря, другая с западного. Пустил одну птицу на юг, да и говорит одной собаке:

— Бери!

Пустил вторую на запад и говорит второй:

— Хватай!

Как полетели эти птицы: одна в одну сторону, вторая в другую... Как побежали собаки за птицами, так даже земля задымилась... Как пошли те собаки, так и до сих пор не вернулись, а по их следам две реки протянулись, в одну сторону пошла Двина, в другую сторону — Днепро. Вот на этих просторах Белополь и начал селиться да заводить свои порядки. У этого Белополя от разных жен его развелись разные племена под названием белорусы. Они и теперь там ходят, земельку пахут и жито сеют»⁴.

Данная легенда ценна тем, что прямо называет охотника, хозяина двух собак, в качестве прародителя белорусов. Имена обоих собак указывают на то, что перед нами один мифологический персонаж, что Бой и Белополь — одно и то же лицо. Естественно, возникает вопрос о том, как звали первопредка белорусов на самом деле. Поскольку в первом предании говорится лишь об одном богатыре Бое, можно предположить, что раздвоение прародителя народа на отца и сына во втором тексте произошло сравнительно недавно. Об этом говорит и само имя «Белополь», перекликающееся с названием Белоруссии, которое, как известно, появляется достаточно поздно и впервые встречается в стихотворении австрийского поэта П. Зухенвир-

⁴ Легенды і паданні. Мінск, 1983. С. 78–79.

та, посвященном памяти умершего на востоке в 1360 г. рыцаря. Очевидно, фигура Белополя появилась в рассказе лишь тогда, когда самоназвание «белорусы» достаточно распространилось среди этой части восточных славян и возникла идея вывести происхождение своего народа от олицетворяющего родную страну персонажа. Бай и Белополь рисуются охотниками, и точно таким же страстным охотником оказывается Бой. Стоит отметить, что обозначение охотника как бьющего или разящего явно древнее имени «Бай», которое в белорусском языке означает «сказочник». Вместе с тем в обеих легендах достаточно много архаичных черт, указывающих на весьма раннее возникновение мифа, легшего в основу данного сюжета. Если первый текст просто указывает на то, что Бой жил в языческие времена, то вторая легенда недвусмысленно относит его ко времени первотворения, делая Бая и Белополя соответственно первым и вторым человеком на Земле, прародителями своего народа, для чего особо подчеркивается многоженство обоих. Упоминание Перуна, а не христианского бога при объяснении зарождения жизни также говорит о языческой эпохе возникновения основы мифа. Также достаточно архаичен и ритуал определения с помощью животных земли обитания будущего народа: генетически родственной ему обычай скифов давать человеку столько земли, сколько он за день объедет на коне, был описан Геродотом еще в V в. до н. э. Рассказывая о последующем почитании упавших с неба при первом скифском царе Колоксае золотом плуге, ярме, секире и чаше, «отец истории» отмечает: «Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он может за день объехать на коне».⁵

Интересно отметить, что мифологема об образовании рек от бега собак в этой легенде перекликается с мифологемой образования русла рек в результате пахоты на запряженном в плуг

⁵ Геродот. История. М., 1993. С. 188.

змею, также присутствующей в белорусском фольклоре. Вот как в нем рассказывается о возникновении реки Вити, притока Припяти: «Абразавалася змея і сказала, штоб на кожны день буу чалавек. Ну вот як дзень, штоб ена зйіла. Ну дак вот уубіралі: сenni аднаго, а заутра другога. Із кожнай семы па чалавеку трэба ему (так!) атдаць, — чи женшчину, чи чалавека, чи дiтiя. Ат его (так!) не можна не замкнуцца. У ее язык — як шахне па дверям, у ее агняны язык І темянные зебра, ена разверне што хочеш, не схаваеця.

А у селе буу каваль, звалі его Кузьма-Дземьян. Дак ен згаваріу людзей, што: «Давайце у кузню, да скуем плух, да змею запрагом, штоб ена людзей не ела, а арала».

Дак ена пришла к ему уже зыіць его. А ен: «Заходь у кузню». Ена как ішла І в плух наделася, запрeглася сама.

Не давай ены ехаць на ней. Выехалі на луг на такей, засаділі плуга араць ею. Дак ена багата праперла. Дак де плух вускачиць, там вузенька, а да глубока ворэ, да широка. Получился роучак ілі ручеек — де лагутна співае, а де маркотна пее, дак прозвіще Вічь. Дак ена прібегла в гэта урочище Шчоб да захацела піць. Ну да брала, брала, напілася І прапала».⁶

Мотив образования русла рек в результате пахоты героя на змею, имеющий к тому же параллели в фольклоре других восточнославянских народов, встречается гораздо чаще, чем мотив образования рек от бега собак. Однако в мифологии редко что бывает случайно, и эти примеры, демонстрирующие взаимозаменяемость собак и змей, указывают на какую-то общую черту, объединяющую этих столь несхожих между собой животных. При этом данная черта столь важна, что делает возможной замену одного животного на другое в разных вариантах мифа, описывающего одно и то же событие. Разгадка кроется в образе реки, русло которой прорывают собаки и змеи. Как в славянском, так и в индоевропейском и даже мировом фольклоре река символизирует собой границу, отделяющую мир живых от мира мертвых. В связи с этим стоит вспомнить, что, помимо проры-

⁶ Смирнов Ю.И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор. — М., 1981. — С. 257.

тия русла рек, у собаки и змея есть еще одно общее качество — оба они являются хтоническими животными, самым непосредственным образом связанными с судьбой человека в загробном мире. О данной роли собак речь более подробно пойдет в пятой главе, а что касается змей, то соответствующий пример мы можем найти в древнерусском героическом эпосе, где в былине о Михайле Потыке подземная змея является смертельной угрозой умершему. Однако целый ряд археологических находок, в том числе и на территории нашей страны, свидетельствует, что так было далеко не всегда. В кургане близ хутора Дурновского в бассейне реки Хопер найдено погребение срубной культуры со скорченным костяком и сопровождавшими его тремя костяками змей: «Позвонки одной змеи были расположены легким зигзагом в ногах погребенного, за плиткой краски, позвонки другой лежали клубком на уровне груди и третьей — резкими зигзагами у спины, головой к куску краски». При раскопке курганов «Три брата» у Элисты в кургане № 9 найдены «скелеты двух больших змей», в другом кургане той же группы бронзовая булавка с изображением змей.⁷ Эти данные свидетельствуют о положительной и охранительной роли змей в погребальном ритуале срубной культуры. Аналогичное отношение к ним было и в раннеземледельческой трипольской культуре: «На раннетрипольских статуэтках такая же пара змей изображалась в области живота, где змеи выступали охранительницами чрева, вынашивающего плод. Ответ получен: трипольские змеи — носительницы добра, хранители всего самого ценного».⁸ Однако культ змей присущ эпохе матриархата, и, когда она заканчивается, в мифах прежние охранительные существа предстают врагами, победу над которыми одерживают патриархальные боги и герои. Богатыри рубят змеям головы, а божий коваль Козьма-Демьян запрягает змея в плуг. Кроме того, в Белоруссии было записано предание «Векавечная мяжа», в котором уже не кузнец, а князь Радар пропахивает на змее границу своей страны

⁷ *Формозов А.А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // Советская археология. — 1958. — № 2. — С. 141.

⁸ *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 190.

с Польшей.⁹ Обращает на себя внимание то, что в патриархальной мифологии индоевропейцев владыка царства мертвых, как правило, изображается с двумя собаками, а богиня-мать времен патриархата зачастую изображалась со змеями. Поскольку белорусскому фольклору был хорошо известен мотив пахоты на змее, то обстоятельство, что повествующее в том числе и о происхождении рек предание рисует прародителя своего народа охотником, а не пахарем, показывает, что оно возникло в очень древнюю эпоху, когда главным способом добычи пропитания была охота, а не пахота.

Наконец, еще в XIX в. в Белоруссии была записана родословная ста шестидесяти родов, возводимая все к тому же перво-предку: «Давно неколи жив князь Бай, у Краснополя, недалеко от того места, дзе стоиць цяпер Дрисса. Дриссы гэной тоды ще ня было. С того уремя остались только концы — Ставры и Гавры, и дзевки и цяпер туды бегаюць песни пяць!

Ставра и Гавра — гэно были собаки Бая. (...) И князь изь ими гуляв по густых лесах, по цемных борах, — ездив от княгини к княгини. А княгинь у яго было пяць-шесь; и кажная сядзела у своей пасецы. Ен, як потхващиць идзе сабе княгиню, дык построиць ей пасеку, дась паробков, служанок... И хорошая жись тоды усим была. Не было тоды ни справников, ни станowych, ни пейсатых жидов-рандарей, ни панов... Ну, дык, самую першою княгиней у Бая была Вольга, — дочка дружинника князецкаго. Узяв ен яе от бацьки умесьци с Ставрою и Гаврою. От яе радзился у яго сын Бойко, старший за усих, да дзевки три ци чатыре.

Другая княгиня была Рогнеда с Полоцку. (...) И родзила яна ему шесь сынов и семую дзевку. Сыны яе во якие: Варган, Заранка, Нырка, Облухов, Самища и Юрла». Третьей женой была Красуля из Смоленска, родившая Цюру и Мотуза, а четвертой — Ода из Киева, ставшая матерью Бажена, Дзявули, Лапа и Таранчука. Пятой женой была Доня, родившая Гадзюка, Жабка, Кавурка и Ревуна, шестой стала Альда из Литвы, от которой родились Хорощ и Чиж, а с ее сестрой Лилей Бай прижил двадцатого сына Пацюка.

⁹ Векавечная мяжа // Крывіч. — 1923. — № 3. — С. 3.

«И вот от гѣных самых дзяцей Баевых и разросся наш народ по усей нашей зямле». От Бойки, Вольгинова сына, пошли двадцать четыре старших рода. Из потомков Варгана, сына Рогнеды, один Скирла пошел к волохам, а Бульба отошел за Киев по Днепру. К Киеву пошел и Тутпала, один из потомков Заранки. Переселились потомки Бая и на Русь: «У пятаго сына Самищи родзился Миска и Лось. Миска отыйшов за Мяжу (река), у Москву...» Туда же перебрался и Сумка, потомок шестого сына Рогнеды Юрлы. Калинка, потомок Ревуна, четвертого сына Дони, отошел к ляхам. Потомки Чижка, сына Альды, двинулись в разные стороны: Рык пошел по Двине к латышам, а Лучина — к словенцам. Родословная заканчивается следующей констатацией: «Усяго родов наших сто шезьдесят. Восем пошли шукаць щасьця у белом свеци, по Двине, за Дняпром ды за Мяжою, а тыя уси и цяпер живуц тут, пашуць и скородзюць зямельку».¹⁰

Сам Е.Р. Романов, опубликовавший эту родословную, отнесся к ней с некоторым скепсисом. Действительно, во второй жене Бая без труда угадывается хорошо известная как по летописям, так и по народным преданиям Рогнеда, жена Владимира Святославовича. Да и имя первой жены Бая могло быть навеяно преданиями о бабке все того же Владимира. Точность в перечислении всех ста шестидесяти родов также может вызывать вопросы. Однако, даже если неизвестный автор родословной (записанной, кстати, на русском, а не на белорусском языке) кое-что и домыслил, несомненным остается одно: толчком для ее создания послужило распространенное в Белоруссии предание об охотнике-первопредке, доказательством чего являются две приведенные выше легенды. Кроме того, в Белоруссии и на Украине существует фамилия Бойко, что также косвенно свидетельствует в пользу не книжного, а народного происхождения мифа о прародителе. Помимо очередного упоминания двух собак князя, подчеркивания многоженства Боя-Бая и детальной генеалогии его потомства, эта родословная вводит в оборот новый мотив: князь оказывается не просто прародителем белору-

¹⁰ Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 174–176.

сов, но часть его внуков переселяется в другие земли: Румынию, Украину, Русь, Польшу, Латвию, Словению. К сожалению, текст не уточняет, были ли к этому моменту населены эти страны (наличие жителей предполагается лишь на Украине и в Литве, откуда были взяты четвертая и шестая жены). Однако, согласно этой родословной, в любом случае Бай оказывается предком если не всех, то, по крайней мере, какой-то части славянских и неславянских индоевропейских народов. Таким образом, потомками его оказываются не одни только белорусы, но и украинцы, русские, поляки и словенцы, а также волохи и латыши. Показательно, что и данный текст также отмечает пережиток культа двух собак Боя, поскольку в названные в их честь концы девушки ходили петь песни и в XIX в.

О том, что Бой был известен не только белорусам, но и другим славянским народам, свидетельствуют и фрагменты западнославянских мифов, использованные Саксоном Грамматиком. Он отождествляет его с Вали, сыном Одина, верховного бога скандинавов, и рутенской княжны Ринд. Слепой великан Хед убивает прутом омелы любимого сына Одина Бальдра, смерть которого становится предвестницей гибели богов и всего мира. Одину предсказано, что именно от Ринд родится мститель за Бальдра, поэтому он обманом овладевает ею. Сын Ринд действительно убивает Хеда, после чего еще раз появляется на страницах «Деяний датчан». Далее Саксон Грамматик сообщает, что шведскому конунгу Готеру было предсказано, что он погибнет в сражении с Боем, и это пророчество также сбылось: «...он (Готер — М.С.) погиб, столкнувшись в сражении с Боем. Победа не была более приятной и для Боя. Ведь он покинул строй столь тяжело раненный, что его вынесли на щите и, меняясь, принесли домой пехотинцы. На следующий день он умер от мучительных ран. Рутены похоронили его тело, приготовив великие похороны, и войско соорудило в его честь огромный холм, чтобы не исчезло из памяти потомков воспоминание о таком славном юноше».¹¹ Следует иметь в виду, что рутенами средневековые латиноязычные источники называли как восточных

¹¹ «Откуда есть пошла Русская земля». М., 1986. Т. 1. С. 635–636.

славян Древней Руси, так и западнославянское население острова Рюген, известное также под именем ран: «Латинское название Rutheni, возникшее, возможно, как фонетическое подражание вероятному самоназванию «русины», часто применялось в европейских средневековых источниках к киевским русам и значительно реже — к прибалтийским ранам. У немецкого писателя Герборда (1159 г.) находим девять случаев обозначения ран русинами, столько же случаев имеется и у другого немецкого писателя — Эббона (1151–1159 гг.)».¹² С учетом того что по весьма приблизительной хронологии Саксона Грамматика Готер жил примерно во II в. н. э., рутенами в данном эпизоде должны считаться предки западных славян. Мы видим, что в их преданиях Бой явно занимал весьма высокое положение, поскольку в противном случае Саксон Грамматик вряд ли отождествил бы его с сыном верховного бога скандинавов. Сооружение огромного холма показывает стремление рутенов увековечить память о своем герое. Особое стремление увековечить память о происхождении своего народа у рутенов отмечают и немецкие миссионеры, получившие от щетинцев «многие» сведения «о происхождении племени Рутенов».¹³ А.Г. Кузьмин справедливо предположил, что в данном случае пересказывались какие-то генеалогические предания, служившие прославлению рода и племени. Показательно, что по отношению к другим западнославянским племенам источники не фиксируют подобного бережного отношения к проблеме своего происхождения. Самое же главное в сообщении Саксона Грамматика — это то, что данное имя присутствовало и в мифологии западных славян. Это доказывает, что данный образ не относится к кругу локальных белорусских преданий.

Об этом же свидетельствует и распространенность данного имени почти у всех славянских народов, притом многие из этих

¹² Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X — XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1980. — М., 1981. — С. 160–161.

¹³ Кузьмин А.Г. Сведения иностранных источников о Руси и ругах // «Откуда есть пошла Русская земля». — М., 1986. — Т. 1. — С. 675.